

РЕЛИГИОЗНАЯ ЛЕКСИКА В ДИСКУРСИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ РОМАНА И. ШМЕЛЁВА «БОГОМОЛЬЕ»

Существуют различные трактовки жанровой принадлежности произведения И. Шмелёва «Богомолье». Первоначально оно трактовалось как повесть, однако по мере осмысления его художественной значимости и сложности «Богомолье» получило жанровый статус романа. По художественной манере роман близок к традиционному для русской литературы жанру «хождений».

События в романе разворачиваются в 70-х – 80-х годах XIX века. Завязка сюжета неторопливо начинается описанием бытовых и психологических коллизий возможностей хождения на богомолье. В этой части сюжета важной является история о царском золоте, подаренном плотнику Мартыну царем Александром II за то, что плотник смог «государю его величеству глаз свой доказать» [4, 16], то есть продемонстрировал точнейший глазомер в плотницком деле. В этой истории, ставшей почти легендой, уже завязываются основные темы внутренней фабулы романа: талант и мастерство русского человека, несмотря на его «слабость» запивать, поиск им нравственных опор и нахождение их в христианстве, в житии православных святых старцев – носителей святости и добра.

Движение сюжета так же неторопливо продолжается сборами на богомолье, разворачивается описанием пути богомольцев из Замоскворечья в Троице-Сергиеву Лавру, описанием самой Лавры и заканчивается получением богомольцами благословения от старца Варнавы. Основное содержание всех двенадцати глав романа – это отражение впечатлений шестилетнего Вани об увиденном и услышанном, о его наблюдениях над окружающей жизнью и постижениях мира взрослых. В этом мире он увидел, несмотря на темные стороны жизни, которые иногда даже пугают его, христианскую чистоту и светлость души русских людей, для которых «самое душевное это дело – на богомолье сходьть», увидел неистребимое стремление русской души к праведному.

Важную художественную нагрузку несут в романе теонимы *житие*, *Преподобный*, *Сергий Радонежский*, поскольку в романе много места отводится Сергию Радонежскому, его житию. Собственно, и само хождение на богомолье – это хождение к мощам святого. В пути богомольцы постоянно упоминают о святом, его имя, эпизоды из жизни, отдельные фразы, цитаты из дешевого издания «Житие Преподобного Сергия», купленного в дороге: *И на дворе, и по всей даже улице известно, что мы идем к Сергию Преподобному пешком* [4, 25]. *Мы пьем чай очень долго. Федя давно напился и читает нам «Житие», нараспев, как в церкви* [4, 61]. *Я спрашиваю – это святые медведи, от Преподобного? Он говорит – обязательно святые, от Троицы, а грешника обязательно загрызут. Только Преподобного не трогали* [4, 64]. *Потому и идем к Преподобному – пообмыться, обчиститься, совлечься от грязи-*

вони... [4, 75]. Мы – «у Креста», на взгорье. В часовне – великий крест. Монах рассказывает, что отсюда, за десять верст до Троицы, какой-то святой послал поклон и благословение **Преподобному**, а **Преподобный** духом услышал и возгласил: «Радуйся и ты, брате!» Потому и поставлен крест [4, 115]. Отец говорит мне, что это самая Троица, Троицкий собор. **Преподобного Сергия** мощи тут [4, 164].

Столь же важным для идейно-художественной структуры романа является теоним *молитва*. Само название романа – *Богомолье* – включает в себя этот корень. Фактически вся лексика, входящая в канонические христианские молитвы, относится к религиозной, поскольку сакральную силу имеет весь текст молитвы. Богомольцы молятся и по пути в Троице-Сергиеву Лавру, и в самом храме во время богослужения. Молятся как самому Господу, так и русским святым: – Горкин говорит... – **молитвы** всякие петь будем! – говорю я. – Так заведёно уж, **молитвы** петь... компанией, правда? [4, 29]. **Святая великомученица Варвара, избави меня от напрасной смерти, от часа ночногообстоянного...** [4, 36]. Идем. Горкин велит Феде – стишок подшевной какой начал бы. Федя несмело начинает: «**Стопы** моя...». Горкин поддерживает слабым, дрожащим голосом: «...и **пращи... по словеси Твоему...**». Поём все громче, поют и другие **богомольцы**. Домна Панферовна, Анюта, я и Антипушка подпеваем все радостней, все душевней: **И да не обладает мною... Всякое беззаконие...** [4, 58 – 69]. Очень они обрадовались и спели нам «**Ныне отпущаеши**» [4, 128]. На крылосе вычитывают часы, чистый молодой голос сливается с пением у мощей: **Преподобный отче Сергие... Моли Бога о нас!..** [4, 185]. Геромонах смотрит в гроб Преподобного и скорбным, зовущим голосом **молится**: «...и **воздвигни его во еже пети Тя...**» [4, 187]. Батюшка крестит меч, голову мою, три раза и говорит: «**Во имя Отца... и Сына... и Святого Духа**» [4, 208]. Они поют **молитву-благословение**, хорошо мне знакомую **молитву**, которая зачинает всенощную: **Благослови, душе моя, Господа, Господи Боже мой, возвеличился еси зело, Вся премудростию сотворил еси...** [4, 210 – 211]. Батюшка Варнава, благословляя Ваню, напутствует его: «– **Молитвы** поешь... пой, пой» [4, 207].

Молитвенный дух пронизывает роман, просветляя и очищая души его героев, выступая символом движения к покаянию и прощению.

Символом святости и красоты выступает в романе Троице-Сергиева Лавра. Названия храма варьируются – *Троице-Сергиева Лавра*, *Троица*, *Серги-Троица*, *Троице-Сергий*, *Лавра-Троица*, *Лавра*, *Живоначальная*, но одно остается неизменным: красота храма и молитвенное отношение к нему как святому месту.

Вот каковы первые впечатления Вани от увиденного им храма: *Я взбегаю и вижу... – Троица?.. Блеск, голубое небо – и в этом блеске, в голубизне, высокая розовая колокольня с сияющей золотой верхушкой! Верхушка дрожит от блеска, словно там льется золото. Дальше боры темнеют. Ровный, сонный как будто, звон* [4, 123].

И почти религиозный экстаз Горкина, и молитвенное восхищение других богомольцев: *Горкин без картуза торопливо взбирается, весь мокрый, падает на колени, шепчет: – Троица... матушка... дошли... сподобил Господь... <...> Все вздыхают и ахают – Господи, красота какая! Все поминают Троицу. <...> ...самая Троица тут Живоначальная наша... соборик самый, мощи там Преподобного Сергия Радонежского, его соборик... А звон-то, звон-то какой, косатик... покойный, важный... Ах, красота Господня!..* [4, 123 – 124].

Увиденное и услышанное о Троице так растрогало впечатлительного Ваню, что и спустя сутки, в полудреме видится ему картинка: *Вижу на картинке розовую Лавру, узнаю колокольню-Троицу. Вижу еще в елках высокую и узкую келейку с куполком, срубленную из бревнышек, окошечко под крышей, и в нем Преподобный Сергей в золотом венчике. Руки его сложены в ладошки, и полоса золотого света, похожая на новенькую доску, протягивается к нему от маленького Бога в небе, и в нем множество белых птиц. Я смотрю и смотрю на эту небесную дорогу, в глазах мерцает. <...> Я вздрагиваю и просыпаюсь* [4, 158].

В романе часто упоминают Господа, Царицу Небесную, употребляя эти наименования в различных формах и различных ситуациях, чем подчеркивается живая, в большинстве случаев на уровне языковой привычки, связь в русском человеке обыденного сознания с его религиозной компонентой: *И за Мартына помолюсь, и за тебя, милок, просвирку вычу, на свечку подам, хороший бы ты был, здоровья бы те Господь дал* [4, 12]. *Мартыну-то: «Будет тебе талант от Бога, только не проступись!»* [4, 13]. *Царица Небесная как меня сохранила...* [4, 9]. – *Воля Божия. Если что кому на роду написано – так и будет* [4, 36]. – *До чего ж хорошо-то, Господи!* [4, 61]. *Горкин еще издали кричит им: «Ну, чего уж... пойдёмте, с Господом!»* [4, 67]. *Земляничка-то Божия, первенькая!* [4, 81]. *Неужели Бог не простит его, и он не попадет в рай, где души праведных упокоятся?* [4, 98]. *Мы ему говорим, что и мы тоже люди не последние, не Христия раба, а по знакомству, сродственник Аксенова нас послал* [4, 136].

Религиозно-бытовой пласт народного бытия ярко отражается в романе в устойчивых выражениях, связанных с христианством. Здесь и напутствия на начало какого-то важного дела, и благодарение за его успешное завершение или успешное течение дел, и обращения-обереги от злых духов, и многое другое: – *Да все, слава Богу, ничего* [4, 7]. – *Господь милостив, не запьянствует... он к зиме больше прошибается* [4, 7]. *Горкин идет расстроенный, кричит на меня в сердцах: «Тебе говорю, отстань ты от меня, ради Христа!»* [4, 8]. – *Бог с ним, бери с собой... пускай потрудится* [4, 24]. *Преподобный поохранит, понятно... да береженого и Бог бережет* [4, 33]. *Дал бы только Господь хорошую погоду завтра* [4, 35]. *Господь даст, завтра пораньше выйдем* [4, 35]. *А мы, Бог даст, догоним тебя у Троицы* [4, 42]. – *Ну, Господи, благослови... пошли!* [4, 44]. – *Во-от... спаси ты Христос, сынок* [4, 53]. – *А ведь это все искушение нам было... Господи, помилуй!* [4, 67]. – *Во-он что-о... – тихо говорит Горкин и крестится. – Царство ему Небесное* [4, 104].

Дал бы Господь милостивый! [4, 107]. Все крестятся и шепчут: «*Свят-свят-свят, Господь-Саваоф...*» [4, 113]. – *Переждите дождичок-то, спаси вас Господи* [4, 114]. А она на язык вострая, *не дай Бог* [4, 121]. Горкин ей объясняет, через чего бывает спасение: *грех не в уста, а из уст!* [4, 129]. *Прости Ты им Господи* [4, 129]. *Господи, чудны дела Твои!..* [4, 146]. А кто чего знает... – *говорит Горкин задумчиво, – все под Богом* [4, 173].

Религиозный «нерв» народной жизни проходит через весь роман, отражаясь в разбросанных в его тексте различных типах теонимов:

1) в названиях праздников, церковных служб, религиозных обрядов, ритуалов: *Петровка, Успенье, Пасха, Троица, Великая Суббота, Масленица, сорокоуст, панихида, причащение, причастие, благовест, всенощная, пост, вечерня, обет* и т.д.;

2) в теонимах, связанных с историей христианства, его понятиями: *Иерусалим-град, Иерусалим, Афон, Писания, Святой Дух, Страшный суд, ад, геенна огненная* и т.д.;

3) в наименованиях одежды, убранств, облачений: *причащальная рубаха, смертная рубаха, плащаница, риза* и т.д.;

4) в названиях предметов ритуала: *пасхальная свеча, лампада, молитвенник, мощи, подсвечник, просфора* и т.д.;

5) в наименованиях церковнослужителей и приверженцев культа: *старец, монашка, батюшка, монах, схимонах, архимандрит, святой старец, дьякон, подвижник, архиерей, иеромонах, митрополит, послушник, Угодник, богомолы, богомольцы, Великомученик Пентелеймон* и т.д.;

6) в наименованиях православных христианских сооружений, их частей: *храм Христа-Спасителя, часовня Николая Чудотворца, Успенский, Благовещенский, Архангельский соборы, Святые Ворота, церковь, башенка, монастырь, обитель, колокольня* и т.д.;

7) в абстрактных теонимах: *дух, душа, мытарство, послушание, спасение, благодать, искушение, грех* и т.д.;

8) в наименованиях демонических существ, нечисти: *нечистый дух, грешник, бесоваль, черт, бес* и т.д.

Роман «Богомолье» изобилует уменьшительно-ласкательной лексикой. Это относится и к религиозной лексике: *иконка, крестик, просвирка, леестрик, маслице, угоднички, милостынька, богомольный садик, образок, Симеонушка-странник, душенька, главка золотенька, соборик, келейка, куполок, кагорчик, поясок* и т.д.

Иногда создается впечатление, что эта «умилительность» чрезмерна, что это просто ностальгия автора по прошлому, по далекому детству. Однако, пожалуй, в большей степени – это художественный прием, призванный показать духовную значимость хождения для богомольцев. И сама дорога, и место, куда они идут – это путь к храму, где все иное, где все не так, как в обычной жизни. Богомольцы, неосознанно следуя завету Христа (*будьте как дети*), становятся как дети. Их восприятие предстоящего хождения и состояние души мало чем отличаются от детских впечатлений шестилетнего Вани: *Там...*

Вспомнишь – и дух захватит. И радостно, и... не знаю что. Там – все другое, не как в миру. Горкин рассказывал: церкви всегда открыты, воздух как облака, кафельный... и все поют: «И-зве-ди из темницы ду-шу моюуу!...». Прямо душа отходит [4, 40].

Духовную суть православного хождения на богомолье хорошо охарактеризовал И.А. Ильин: «Богомолье! Вот чудесное слово для обозначения русского духа... Как же не ходить нам по нашим открытым, легким, разметавшимся пространствам, когда они сами, с детства, так вот и зовут нас – оставить непривычное и уйти в необычное, сменить ветхое на обновленное, оторваться от каменеющего быта и попытаться прорваться к иному, к светлому и чистому бытию... и, вернувшись в свое жилище, обновить, освятить и его этим новым видением?.. Нам нельзя не странствовать по России; не потому, что мы «кочевники» и что оседлость нам «не дается»; а потому, что сама Россия требует, чтобы мы обозрели ее, и ее чудеса, и красоты, и через это постигли ее единство, ее единый лик, ее органическую цельность...» [2, 120].

Литература

1. Иванова, Е. Е. Жанровая стилизация в повести И. С. Шмелёва «Лето Господне» // Филологические знания на современном этапе: сборник статей. Вып. 2 / отв. ред. И. А. Шушарина. – Курган: Изд-во Курганского государственного университета, 2013. – С. 41-50. ISBN 978-5-4217-0205-4.
2. Ильин, И.А. Одинокий художник. Статьи, речи, лекции / сост., предисл. и примеч. В. И. Белов. – М.: Искусство, 1993. – С. 120.
3. Ильин, И.А. О тьме и просветлении: Книга художественной критики: Бунин. Ремизов. Шмелёв / И.А. Ильин. М.: Скиф, 1991. – 216 с. ISBN 5-7206-0032-9.
4. Сорокина О. Н. Московянина. Жизнь и творчество Ивана Шмелева. – 2-ое издание. – 2000. — 407 с. ISBN: 5-239-02920-5.
5. Шмелёв, И.С. Богомолье. Лето Господне / И.С. Шмелев. Изд. 2-е. М.: ДАРЪ, 2013. – 848 с. ISBN 978-5-485-00300-6.